

Т. Е. СУТЯГИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ORCID ID: 0000-0002-9842-6194

УДК 821.161.1-31(Сологуб В. А.)

DOI 10.26170/ufv19-05-02

ББК Ш33(Рос=Рус)5-8,444

РОМАН В. А. СОЛЛОГУБА «ЧЕРЕЗ КРАЙ»: К ПРОБЛЕМЕ АВТОБИОГРАФИЗМА

Аннотация. Исследовательская задача автора статьи заключается в попытке осмысления специфики автобиографического начала в романе В. А. Соллогуба «Через край» (1885). Опираясь на существующие в литературоведении представления об автобиографизме (автопсихологизме) в художественных произведениях, автор статьи сопоставляет реалии жизни писателя с изображенными в романе фактами жизни главного героя Петра Ардарова (в частности, служба на Кавказе в 50-е гг. XIX века, увлечение пенитенциарным делом и пр.). Устанавливается отнесенность как автора, так и героя к типу «лишний человек» с психологическим комплексом «кающегося дворянина», который формируется в общественном сознании и входит в русскую литературу 70-х гг. XIX века. На основании проведенного анализа делается вывод о близости героя романа и автора. Это проявляется не только в том, что В. А. Соллогуб вводит в образ Петра Ардарова автобиографические реалии, но и, прежде всего, в том, что он сообщает герою собственный духовный опыт.

Ключевые слова: автобиографичность; В. А. Соллогуб; «Через край»; Пётр Ардаров; роман.

Последнее произведение В. А. Соллогуба – роман «Через край», опубликованный лишь после смерти автора (1885) в нескольких выпусках отнюдь не самого популярного и представительного «общедоступного» журнала «Новь».

Реакции на появление романа в печати не последовало ни в современной писателю критике, ни в литературоведении XX века. Исследователи, занимавшиеся изучением творчества В. А. Соллогуба, традиционно обращались лишь к той его части, которая относится, согласно общепринятому мнению, к самому продуктивному периоду литературной деятельности автора – к повестям первой половины 1840-х годов. Эстетическую ценность, по мнению исследователей, представляют исключительно произведения данного периода. О позднем творчестве писателя либо не сообщается вовсе, как о не заслуживающем внимания (завершение писательской карьеры В. А. Соллогуба видится

в написании поэмы «Нигилист» (1866), водевилей и воспоминаний [См.: Белкина 1972: VII, 52; Чистова 1988: 15; Якушин 1988: 20 и т.д.], либо приводится лишь одна общая фраза о дате публикации романа «Через край» [См.: Венгеров 1990: XXX, 758; Ивинский 2017: XXX, 651 и т.д.], либо произведению даётся краткая оценка, при этом не подкреплённая анализом текста. Тем не менее, в литературоведении утвердились три характеристики романа В. А. Соллогуба:

- «незавершённый» («Он [В. А. Соллогуб – Т. С.] пишет ещё свои “Воспоминания” и большой роман “Через край”, но ни то, ни другое ему уже не удаётся закончить» [Белкина 1937: 45]);
- «неудачный» («Он будет работать над мемуарами... испытает странную любовь и даже сочинит крайне неудачный роман (тоже на мемуарной основе), который появится в печати только после смерти автора» [Немзер 1998: 15]);
- «автобиографический» («Кроме воспоминаний, он написал в это время роман “Через край”, посвящённый истории своей вторичной женитьбы и изданный посмертно» [Кийко 1962: 14]).

Как известно, завершённость/незавершённость произведения устанавливается при наличии соответствующих документальных свидетельств, а также в процессе анализа текста, в результате которого доказывается его художественная целостность (либо её отсутствие).

Художественная неудача – это «результат творческой деятельности, который негативно оценивается реципиентом (самим автором, (не)профессиональным читателем) исходя из несовпадения кода и декода (или сеток значений), адресата и реципиента и в то же время обладает разной степенью креативного потенциала» [Феномен творческой неудачи 2015: 443]. То есть, так или иначе, факт художественной неудачи устанавливается либо самим автором (речь идет о самооценке, что, вероятно, должно быть документально засвидетельствовано), либо в процессе творческого осмысления (анализа) произведения, которое предпринимает реципиент (нас интересует научная оценка, поэтому говорим о профессиональном читателе). Но ни той, ни другой негативной оценкой мы не располагаем.

Известно лишь одно современное исследование, посвящённое целостному анализу романа – «В. А. Соллогуб “Через край”: забывтая страница русской романистики» [Ермоленко, Валек 2013 б]. Наблюдения авторов названного исследования – С. И. Ермоленко, Н. А. Валек – мы будем учитывать по мере необходимости в дальнейших рассуждениях о романе.

Прежде, чем перейти к разговору о третьей закрепившейся характеристике романа В. А. Соллогуба – «автобиографический» – необходимо разобраться в том, что следует понимать под «автобиографично-

стью». Остановимся на данном понятии подробнее, так как автобиографичность романа как раз и является предметом нашего изучения. Традиционно данное понятие в литературе рассматривается двупланово. Так, Г. И. Романова выделяет два вида автобиографических текстов:

- «документ, в котором пишущий отмечает наиболее значительные вехи своей жизни»;
- «произведение, основное содержание которого составляет изображение процесса духовно-нравственного развития личности автора, основанного на осмыслении прошлого с точки зрения опытного, зрелого человека, умудрённого жизнью» [Романова 2003: 195–196].

По мнению Н. А. Николиной, развитие жанра автобиографии ведёт к его внутржанровому усложнению, то есть возникновению разных жанровых модификаций. Исследователь называет четыре разновидности автобиографических текстов:

- «собственно автобиографии – документальные тексты, представляющие собой краткие и формализованные жизнеописания и относящиеся к официально-деловому стилю»;
- автобиографические тексты, включающие одновременно развернутые воспоминания о прошлом, связанных с ним реалиях, лицах и т.п., написанные без установки на эстетическое воздействие (автобиографии и воспоминания исторических деятелей, писателей);
- автобиографии и воспоминания, тяготеющие к беллетризованной форме (содержащие, например, образные характеристики описываемых реалий);
- художественные произведения, использующие жанровую форму автобиографии и опирающиеся на реальные факты жизни автора» [Николина 2002: 12].

Наибольший интерес для нас представляет последняя из указанных разновидностей, то есть художественные тексты, в которых используются те или иные реальные факты жизни автора.

Художественная автобиографичность часто становилась объектом научного исследования. П. К. Чекалов, предпринимая попытку обзора и систематизации существующей научной литературы, посвященной данной проблеме, выявляет двенадцать основных признаков автобиографического художественного текста:

- «повествование о частной жизни создателя книги;
- прозаическая форма воплощения;
- ретроспективность изображения;
- преимущественно хронологическая последовательность изложения;
- повествование от первого лица;

- жизнь повествователя выступает протосюжетом, а его личность – прототипом главного героя;
- близость, но не тождественность автора и героя;
- герой, как правило, положительный, в некоторых случаях даже идеализированный;
- сочетание саморефлексии и самоанализа с оценочными характеристиками других персонажей;
- наличие принципа “двойного зрения”, двух точек зрения: бывшего “я” и нынешнего “я”;
- возможность вымысла, создания автомифологии;
- открытость финала, незамкнутость жизнеописания» [Чекалов 2012: 121].

Принимая во внимание сформулированные выше выводы и наблюдения исследователей, попробуем ответить на вопросы: является ли автобиографическим роман В. А. Соллогуба «Через край»? Если да, то какова специфика этого автобиографизма?

На наш взгляд, исследователи, лишь только упоминая роман «Через край», восприняли автобиографическое начало в нем как буквальное отражение реального факта биографии писателя – его женитьбы на Варваре Константиновне Аркудинской, утверждая, что именно этому и посвящён роман.

О личной жизни писателя известно немного. Из имеющихся биографических работ о В. А. Соллогубе мы можем узнать лишь то, что его первый брак был заключен с Софьей Михайловной Виельгорской, фрейлиной, младшей дочерью графа М. Ю. Виельгорского, с которой они прожили вместе без малого сорок лет. Посажённым отцом жениха на свадьбе был сам Николай I, а празднество с размахом охватило весь столичный свет. В браке было рождено восемь детей. Однако, по воспоминаниям современников, друзей и знакомых семьи Соллогубов, их союз не был счастливым, в отношениях недоставало тепла и любви. В последние годы брака супруги и вовсе жили отдельно. Н. И. Якушин пишет об этом: «В семейной жизни Соллогуба произошли серьёзные изменения. К тому времени его первая семья давно распалась. Дети выросли, с женой он давно не ладил» [Якушин 1988: 20]. Естественным завершением отношений стала смерть С. М. Соллогуб после тяжелой тяжёлой болезни в 1878 году.

В том же году писатель решился на вторую женитьбу. Однако современники утверждают, что отношения В. А. Соллогуба и В. К. Аркудинской начались ещё при жизни первой жены и на момент свадьбы длились уже несколько лет. Светское общество не одобрило выбор В. А. Соллогуба. Во-первых, вторая жена писателя была моложе его

на двадцать пять лет. Во-вторых, брак был неравным в силу неаристократического происхождения В. К. Аркудинской. В-третьих, низкое социальное положение женщины закрепило за ней репутацию авантюристки. Всё это становилось поводом для насмешек, сплетен, неодобрения и даже осуждения в светском обществе, что В. А. Соллогуб, вероятно, тяжело переживал.

Исследователи, полагающие, что в романе «Через край» писатель отразил историю своей последней любви, не прибегают к анализу любовных линий в произведении, не указывают, прототипом какой из героинь романа стала вторая жена В. А. Соллогуба В. К. Аркудинская. Мы можем лишь догадываться, что, делая подобные выводы, исследователи имеют в виду отношения Петра Ардарова и «барышни» Натальи Львовны Баратыновой. Но какие-либо совпадения здесь более чем условны и приблизительны.

Однако в романе «Через край» действительно художественно отразились некоторые реалии биографического характера. Так, молодость главного героя Петра Ардарова связана с Кавказом. Там ему предстояло пройти «боевое крещение». Там, на Кавказе, герой встретил свою первую любовь – Дарью Андреевну Колпину, Дарико. Чуть позже Ардаров становится участником Крымской войны (на Кавказском театре военных действий). В ожесточенном бою с турками под Башкадыкларом он получил контузию. Благодаря включению в роман реальных исторических фактов (например, Башкадыкларское сражение происходило 19 ноября 1853 года), мы узнаем, что Пётр Ардаров находился на Кавказе в 1850-е годы.

Службу на Кавказе проходил и молодой граф В. А. Соллогуб. Близки сроки службы создателя романа и его героя. Об авторе романа известно следующее: «В 1849 году Соллогуб вышел в отставку, но спустя два года снова вернулся на службу и отправился на Кавказ» [Якушин 1988: 18]. Е. И. Кийко называет более конкретные сроки: «С 1850 по 1856 год он [В. А. Соллогуб. – Т. С.] служил на Кавказе». За этот период писатель «напечатал целый ряд корреспонденций и поэтических произведений в газете “Кавказ”» [Кийко 1962: 13].

Второй факт, подтверждающий наличие автобиографического плана в романе «Через край», – увлечение Петра Ардарова пенитенциарной наукой («тюрьмоведением»). Тяжело переживая утрату самых близких людей (отца, тётки, сына), герой вспоминает о своём долге – о служении народу и, в первую очередь, решает исследовать вопрос об уголовном наказании и административной ссылке: «Изучением, разработкою и разрешением этого вопроса вознамерился заняться Ардаров и посвятить ему свои силы. Он не притворялся, а действительно

хотел служить, в полном смысле слова» (IX, 80). Так, Пётр Ардаров «принялся наводить справки по инстанциям полицейским, осматривал места заключения, объезжал уезды и готовился в дальнее путешествие, в Сибирь, вплоть до самого Сахалина. <...> Везде посетил он остроги – эти притоны народных пороков и случайных злополучий» (IX, 81). Постепенно деятельность Ардарова приобретала всё более практический характер: «Он соображал улучшения уголовного законодательства... придумывал, на основании опытов, уничтожение бродяжничества, организацию тюремных работ и упразднение пересылочной системы» (X, 176).

Той же деятельностью в середине 1860-х – 1870-е годы был занят и сам автор романа. В. А. Соллогуб решает заняться реформированием уголовно-исполнительной системы в России. Достаточно подробно данный этап жизни писателя рассмотрен в трудах В. Б. Лебедева и Е. В. Степановой. По утверждению исследователей, в 1865 году на базе Московской исправительной тюрьмы В. А. Соллогуб начинает разработку проекта преобразования пенитенциарной науки, в ходе чего «были собраны и опубликованы самые подробные статистические сведения о российских заключённых за всю историю пенитенциарной системы» [Лебедев, Степанова 2013: 73].

Результатом деятельности В. А. Соллогуба явилась, прежде всего, разработанная им система исправления осуждённых, которую он успешно вводил во вверенном ему Московском смирительно-рабочем доме. Самую значительную роль в исправительной работе В. А. Соллогуб отводил организации труда заключённых, который, по его мнению, следовало подразделять на три вида: «карательный (тяжёлая физическая работа), дисциплинарный (механическая работа в помещении) и поощрительный (ремесленные работы, предполагающие освоение новой профессии). Эти работы для доступности понимания малограмотных арестантов Соллогуб предложил именовать “чёрными”, “серыми” и “белыми”». Более того, В. А. Соллогуб сделал труд заключённых оплачиваемым: «проведя несколько лет в пенитенциарном учреждении, осуждённый получал нужную обществу профессию и первоначальный капитал на обзаведение собственными инструментами, что, по глубокому убеждению реформатора, служило лучшей гарантией от рецидива» [Лебедев, Степанова 2012: 84].

Разработанная В. А. Соллогубом исправительная система основывалась, главным образом, на принципе гуманизма: человек, отбывающий наказание за совершённое преступление, прежде всего, человек. Поэтому В. А. Соллогуб создаёт рабочие артели, во многом на собственные средства разбивает при тюрьме огород, открывает школу и библиотеку, разрабатывает учебные курсы для арестантов,

привлекает педагогов, использующих передовые методики обучения. Все приведённые факты свидетельствуют о том, что В. А. Соллогуб стремился сделать основной функцией пенитенциарных учреждений не наказание, а перевоспитание человека. Свои идеи и результаты собственной деятельности в этом направлении писатель опубликовал в статьях «Об организации в России тюремного труда» (1866), «Титовские казармы. Описание тюрьмы» (1867), «Тюрьмы и театры» (1867), «О нашем исполнительном правосудии» (1874).

Совершенствование пенитенциарной системы на определённый период становится делом всей жизни В. А. Соллогуба. Позже сам писатель в мемуарах скажет об этом: «... в последние годы посвятил себя тюремноведению, в котором и нахожу своё настоящее призвание» [Соллогуб 1931: 651]. Деятельность В. А. Соллогуба на этом поприще не только принесла ему славу известного пенитенциариста в России и за рубежом, но и привлекла внимание общественности к данной проблеме.

Однако, несмотря на отражение в романе «Через край» некоторых фактов биографии его автора, автобиографизм произведения нам видится в другом. В. А. Соллогуб создаёт образ во многом близкого ему героя. Писатель наделяет его не только биографическими реалиями, личным эмпирическим опытом, но, и это главное, собственным выстраданным духовным опытом, который он приобрёл к концу жизни – к моменту создания романа. Поэтому, вероятно, В. А. Соллогуб и не спешил с его публикацией, словно боясь придать огласке своё сокровенное.

Ещё одно обстоятельство видится нам важным в плане близости, но не тождественности автора и героя – фамилия последнего: Ардаров. По материнской линии В. А. Соллогуб был родом из семейства Архаровых. Именно эту фамилию в девичестве носила мать писателя, Софья Ивановна. Полагаем, В. А. Соллогуб неслучайно использует в романе близкую по звучанию (Ардаров – Архаров) фамилию, которая подчёркивает своеобразную связь героя и автора. Однако найти какие-либо комментарии писателя по этому поводу или иное подтверждение данного предположения нам не удалось.

Герой романа «Через край» и его автор относятся к одному и тому же типу личности. По мнению С. И. Ермоленко и Н. А. Валек, В. А. Соллогуб в лице Петра Ардарова «исследует тип “лишнего человека” – “человека не от века сего”, осложнённый психологическим комплексом “кающегося дворянина” 70-х годов» [Ермоленко, Валек 2013 б: 244]. Впервые данное определение было применено Г. К. Щенниковым по отношению к образу главного героя в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»: «Типичные качества “лишнего человека” предстают в нём [Ставрогине – Т. С.] в новой модификации, совмещённые с пси-

хологическим комплексом семидесятника». Уточняя выдвинутое положение, литературовед предельно ясно заявляет: «В Николае Ставрогине Достоевский соединил черты “лишнего человека” 40-х годов и “кающегося дворянина” 70-х» [Щенников 1987: 268–269. Курсив наш. – Т. С.]. Однако, на наш взгляд, данная формулировка в полной мере не может быть применена при характеристике образа Ставрогина в силу того, что одновременно с желанием покаяться герой ощущает принципиальную невозможность покаяния.

Пётр Ардаров в романе «Через край» неоднократно задумывается о собственной «лишности»: «Что я такое? Для чего я живу? – спрашивал себя Ардаров. – Для своих – чужой, для соотечественников – бесполезный! <...> И он с отчаянием хватался за голову, словно в лихорадочном бреде» (X, 177); «Он с болью в сердце спрашивал себя: А я-то что?» (V, 545). О том же герою прямо заявляет некий незнакомец, «печальник чужой жизни», повстречавшийся ему на губернаторском балу: «Вы человек не от века сего. Человек вы с характером, но без воли, с идеалами, но без цели. Вы всегда чего-то ищите в тумане и ничего не находите. Да хоть бы и сейчас: что вы здесь? Разве не чуждо вам всё это общество?» (XV, 366).

Однако образ Ардарова более всего интересен тем, что наряду с типичными признаками «лишнего человека» в нём наличествуют черты, указывающие на тип «кающегося дворянина» – «человека, возлагающего на себя нравственную ответственность за происходящее вокруг, как в жизни близких ему людей, так и в стране в целом, и в то же самое время осознающего личную неспособность что-либо изменить в общем российском неустройстве» [Ермоленко, Валек 2012: 204]. Это образ героя «из среды русского образованного дворянства, страдающего от сознания того, что предки его были крепостниками, и желающего “послужить народу”» и «Земле Русской» [Ермоленко, Валек 2013 б: 228].

Раз и навсегда запомнив предсмертный завет отца («Будь честным русским баринном... Понадобится отечеству жизнь твоя, – не щади. Понадобится твоё состояние, – отдай. <...> Подружись с народом... чтоб учиться у него» (I, 424–425)), герой даже в тяжёлых жизненных ситуациях не замыкается в личных бедах и старается соблюдать данную клятву: «Ардаров горько задумался над собственным положением, и тут вспомнилось ему, что у него, кроме личной своей семьи, есть ещё другая семья, семья громадная... Семья эта – родная земля...» (VIII, 80).

Герой В. А. Соллогуба старается следовать сформировавшимся в его сознании принципам «служения народу». Оказывая посильную помощь бедствующей крестьянской семье, спасая её от холодной смерти, герой понимает: «Вот она служба, – служба настоящая, служба

на деле!» (IX, 83). Ардаров осознаёт несправедливость устройства общества и пытается заняться решением конкретных социальных проблем для того, чтобы послужить своей родине.

На вопрос: почему «кающийся дворянин» в данной исторической ситуации становится «лишним человеком» – можно ответить следующим образом: «Тип “безвольного”, рефлектирующего интеллигента, не сумевшего порвать со своей средой и не знающего, “куда идти”, в пору, когда на первый план выходил вопрос о герое, занимающем активную жизненную позицию, носителе передового общественного сознания, выглядел, очевидно, по меньшей мере, несвоевременным» [Там же: 233], а точнее – уже запоздавшим.

Пётр Ардаров – «лишний человек», при всём его стремлении найти своё место в жизни. Весь путь героя, «лишнего» для своего времени, – путь поиска себя и своего предназначения. Жизнь Петра Ардарова, равно как и жизнь его создателя, – это поиск и познание: себя, мира и себя в мире. Для Петра Ардарова, как и для В. А. Соллогуба, характерны «мучительные духовные искания... попытки понять истинные причины общего неустройства жизни, а главное – хоть в малой степени изменить ситуацию к лучшему» [Там же: 234]. Как видим, героя и автора роднят кризисный характер самоощущения, стремление преодоления его.

Выражением не только и не столько физического, сколько духовного пути героя в романе «Через край» становится сквозной образ дороги. Основой хронотопа дороги, утверждает М. М. Бахтин, является «реализация метафоры “жизненный путь”». Дорога – «точка завязывания и место совершения событий» [Бахтин 2000: 177] – отражение жизненного пути Петра Ардарова. «Большая дорога» героя В. А. Соллогуба – это история его духовных исканий. Таким образом, «внешний», событийный сюжет романа осложняется «внутренним», психологическим сюжетом: мучительными поисками героем ответов на вопросы «Что я такое? Для чего я живу?» (X, 177).

«Для чего жить? Для кого жить?.. Я никому не нужен...» (XVII, 547), – рассуждает Пётр Ардаров. Собственная «ненужность» была настоящей жизненной трагедией и самого автора романа «Через край», аристократа В. А. Соллогуба. Писатель уже в 60-е годы остро ощущал изменение отношения общества к своей личности и творчеству. В письме В. А. Соллогуба А. А. Краевскому (11 сентября 1865 г.) читаем: «Давно доходят до меня слухи, что вы относитесь обо мне враждебно и весьма ко мне не благоволите. А почему бы это, ума не приложу. – Кажется, давно знакомы. – Когда мог, содействовал, дурного не делал. – Впрочем, в нашей журналистике давно вошло в моду отзываться обо мне как о каком-то безграмотном бариче, идиоте, доносчике и т.п. <...> Я всегда помогал, где только

мог, другим, и отнимать у меня этого права, всей моей жизнью заслуженного, не следовало бы по самой простой справедливости. Что выразила эта манифестация, не понимаю. – Вижу, то есть, охоту плюнуть в лицо человеку, простирающему вам руку для доброго дела, – но все-таки не понимаю» [Соллогуб].

Пётр Ардаров – представитель петербургского светского общества. Несмотря на то, что герой чувствует свою «чуждость свету», он, тем не менее, не может вырваться из него: «ставший ему ненавистным “светик” будет цепко удерживать его в своих сетях, разорвать же их у него не хватит сил» [Ермоленко, Валек 2012: 206]. Слишком прочна связь героя с тем обществом, к которому он принадлежит по происхождению и воспитанию. Пётр Ардаров не готов отречься от своего класса, от всех благ барской жизни, «светского существования, “поэзия” которого всё-таки имела над героем (до самого конца его жизни) власть» [Там же: 205]. Именно поэтому его ещё нельзя назвать «кающимся дворянином» в полном смысле.

Сам же В. А. Соллогуб, будучи представителем знатного литовского графского рода, также до конца жизни останется неразрывно связан с аристократическим светским обществом. Интересно, что во всех источниках, где встречается фамилия писателя, ей неизменно сопутствует приставка «граф». Примечателен и тот факт, что в статьях о личности и творчестве В. А. Соллогуба характеристика «граф» всегда указывается на первом месте. И лишь после этого следует конкретизация: «русский писатель», «литератор», «действительный статский советник» [См. напр.: Русский биографический словарь 1909: 96–98; Краткая литературная энциклопедия 1972: VII, 51–52; Лермонтовская энциклопедия 1981: 519; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1990: XXX, 58; Большая российская энциклопедия 2017: XXX, 651] и т. д., словно бы социальный статус писателя мыслился как существенно более значимый, чем род его деятельности. Даже в одном из последних изданий мемуаров В. А. Соллогуба в строке с указанием автора фамилия писателя даётся с неизменной приставкой «граф» [См.: Соллогуб 1998].

В тот же самый период, когда В. А. Соллогуб пишет роман «Через край» (по замечаниям издателей, рубеж 1870–1880-х гг.), его современник Л. Н. Толстой вынесет на всеобщее обозрение и всеобщий суд собственный духовный кризис и последовавший за ним разрыв со своей средой. В «Исповеди», впервые опубликованной в 1884 году, писатель отмечает: «Со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, учёных – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл» [Толстой 1957: 40]; «Я отрёкся от жизни нашего круга, признав,

что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живём, лишают нас возможности понимать жизнь». Порвав со взглядами, привычками дворянской среды, с которой он был связан от рождения, Л. Н. Толстой провозгласил своим идеалом «жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей» [Там же: 47].

Назревание и постепенное нарастание духовного кризиса Л. Н. Толстого сопряжено со временем его работы над романом «Анна Каренина». В нём уже отражены мучительные духовно-нравственные поиски, пусть и ещё не достигшие той силы и напряжённости, которые, в конечном счёте, приведут писателя к разрыву со своим классом. К этому Л. Н. Толстой придет позже, уже завершив работу над «Анной Карениной». Потому и герой романа, Константин Левин, ещё не делает последнего решительного шага, лишь, как и его создатель, максимально приближаясь к нему.

В. А. Соллогуб, в отличие от Л. Н. Толстого, не думает о каких-либо кардинальных изменениях в жизни, не готов расстаться с тем, что принадлежит ему, как он считает, по праву происхождения. Таков и герой писателя – Пётр Ардаров, который близок и дорог автору, а потому лишён осуждения. В. А. Соллогуб сочувствует своему герою, он любит и жалеет его. В этой связи напомним тонкое, с нашей точки зрения, наблюдение А. С. Немзера, сделанное в ходе размышлений над персонажами светских повестей писателя: «Жалея светских львов, незадачливых соблазнительей, самолюбивых мечтателей и невольных разрушителей чужого счастья, Соллогуб подсознательно жалел себя» [Немзер 1998: 11. Курсив наш. – Т. С.]. Рассматривая подобного рода произведения, В. М. Маркович приходит к выводу о том, что «автор здесь всегда предельно близок к герою, и они как бы могут поменяться местами» [Маркович 1996: 159]. В свою очередь, М. М. Бахтин, размышляя над проблемой соотношения автора и героя, заметил, что «автор-творец может нам разобраться и в авторе-человеке» [Бахтин 1979: 10].

Таким образом, автобиографичность в романе В. А. Соллогуба «Через край» достигается не только и не столько за счёт введения биографических реалий жизни автора, а путём наделения героя автопсихологическими чертами, личным духовным опытом. В данном случае следует говорить не о совпадении жизненных коллизий героя и автора, а именно об их духовной близости. Сведение автобиографичности в романе лишь к соответствию событийного плана произведения жизни самого автора художественно обесценивает роман, снижает его эстетическую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб. : Азбука, 2000. С. 9–193.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.

Белкина М. А. Водевиль Соллогуба // Соллогуб В. А. Водевиль. М. : Гослитиздат, 1937. С. 3–46.

Белкина М. А. Соллогуб Владимир Александрович // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М. : Сов. энциклопедия, 1962–1978. Т. 7. 1972. С. 51–52.

Бороздин А. К. Соллогуб Владимир Александрович // Русский биографический словарь. СПб. : Общественная Польза, 1909. С. 96–98.

Венгеров С. А. Соллогуб Владимир Александрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 43 т. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1990. Т. 30. С. 758.

Ермоленко С. И., Валек Н. А. Диалог в ситуации «всеобщего обособления», или «Лишний человек» на rendez-vous (роман В. А. Соллогуба «Через край») // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. Вып. 2 (40). С. 203–209.

Ермоленко С. И., Валек Н. А. Поэтика времени в романе В. А. Соллогуба «Через край» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. №1. Ч. 2. С. 81–87. (а)

Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край» : забытая страница русской романистики. Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. 253 с. (б)

Заборова Р. Б. Соллогуб Владимир Александрович // Лермонтовская энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1981. С. 519.

Ивинский А. Д. Соллогуб Владимир Александрович // Большая российская энциклопедия : в 30 т. М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017. Т. 30. С. 651.

Кийко Е. И. В. А. Соллогуб // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. М. ; Л. : ГИХЛ, 1962. С. 3–14.

Лебедев В. Б., Степанова Е. В. В. А. Соллогуб и его роль в реформировании уголовно-исполнительной системы (1870–1874 гг.) // Пенитенциарная наука. Вологда : ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», 2013. С. 72–77.

Лебедев В. Б., Степанова Е. В. В. А. Соллогуб и его эксперименты в области организации труда арестантов // Пениденциарная наука. Вологда : ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», 2012. С. 82–87.

Маркович В. М. Автор и герой в романах Лермонтова и Пастернака // Автор и текст : сб. ст. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. Вып. 2. С. 150–178.

Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М. : Республика, 1995. 606 с.

Немзер А. С. Быть так! Спасибо и за то. Владимир Соллогуб и его мемуары // Соллогуб В. А. Воспоминания. М. : Слово, 1998. С. 5–16.

Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие. М. : Флинта, 2002. 424 с.

Романова Г. И. Автобиографические жанры // Литературная учёба. М. : Издательский дом «Литературная учёба». 2003. № 6. С. 195–199.

Соллогуб В. А. А. А. Краевскому. URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_0250.shtml (дата обращения: 15.09.2019).

Соллогуб В. А. Воспоминания. М. ; Л. : Academia, 1931. 652 с.

Соллогуб В. А. Воспоминания. М. : Слово, 1998. 384 с.

Соллогуб В. А. Через край. Посмертный роман графа В. А. Соллогуба // Новь. Общедоступный иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний, 1885. Т. 2. № 7–8. Т. 3. № 9–12.

Толстой Л. Н. Исповедь (вступление к ненапечатанному сочинению) // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : ГИХЛ, 1928–1958. Т. 23. 1957. С. 1–59.

Феномен творческой неудачи / под ред. А. В. Подчинова и Т. А. Снигиревой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 486 с.

Чекалов П. К. Осмысление жанра художественной автобиографии в научной литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Майкоп : ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет». 2012. № 1. С. 119–122.

Чистова И. С. Беллетристика и мемуары Владимира Соллогуба // Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л. : Худож. лит., 1988. С. 3–20.

Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 352 с.

Якушин Н. И. Писатель с замечательным дарованием // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. М. : Сов. Россия, 1988. С. 3–20.

REFERENCES

Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Bakhtin M. M. Epos i roman. SPb. : Azbuka, 2000. S. 9–193.

Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M. : Iskustvo, 1979. 423 s.

Belkina M. A. Vodevil' Solloguba // Sollogub V. A. Vodevili. M. : Goslitizdat, 1937. S. 3–46.

Belkina M. A. Sollogub Vladimir Aleksandrovich // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya : v 9 t. / gl. red. A. A. Surkov. M. : Sov. entsiklopediya, 1962–1978. T. 7. 1972. S. 51–52.

Borozdin A. K. Sollogub Vladimir Aleksandrovich // Russkiy biograficheskiy slovar'. SPb. : Obshchestvennaya Pol'za, 1909. S. 96–98.

Vengerov S. A. Sollogub Vladimir Aleksandrovich // Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona : v 43 t. SPb. : Brokgauz-Efron, 1990. T. 30. S. 758.

Ermolenko S. I., Valek N. A. Dialog v situatsii «vseobshchego obosobleniya», ili «Lishniy chelovek» na rendez-vous (roman V. A. Solloguba «Cherez kray») // Politicheskaya lingvistika / gl. red. A. P. Chudinov. Ekaterinburg : FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2012. Vyp. 2 (40). S. 203–209.

Ermolenko S. I., Valek N. A. Poetika vremeni v romane V. A. Solloguba «Cherez kray» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2013. №1. Ch. 2. S. 81–87. (a)

Ermolenko S. I., Valek N. A. V. A. Sollogub «Cherez kray» : zabytaya stranitsa russkoy romanistiki. Ekaterinburg : FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2013. 253 s. (b)

Zaborova R. B. Sollogub Vladimir Aleksandrovich // Lermontovskaya entsiklopediya. M. : Sov. entsiklopediya, 1981. S. 519.

Ivinskiy A. D. Sollogub Vladimir Aleksandrovich // Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya : v 30 t. M. : Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 2004–2017. T. 30. S. 651.

Kiyko E. I. V. A. Sollogub // Sollogub V. A. Povesti i rasskazy. M. ; L. : GIKhL, 1962. S. 3–14.

Lebedev V. B., Stepanova E. V. V. A. Sollogub i ego rol' v reformirovanii ugolovno-ispolnitel'noy sistemy (1870–1874 gg.) // Penitentsiarnaya nauka. Vologda : FKOU VO «Vologodskiy institut prava i ekonomiki Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy», 2013. S. 72–77.

Lebedev V. B., Stepanova E. V. V. A. Sollogub i ego eksperimenty v oblasti organizatsii truda arestantov // Penitentsiarnaya nauka. Vologda : FKOU VO «Vologodskiy institut prava i ekonomiki Federal'noy sluzhby

ispolneniya nakazaniy», 2012. S. 82–87.

Markovich V. M. Avtor i geroy v romanakh Lermontova i Pasternaka // Avtor i tekst : sb. st. SPb. : Izd-vo SPbGU, 1996. Vyp. 2. S. 150–178.

Mochul'skiy K. V. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy. M. : Respublika, 1995. 606 s.

Nemzer A. S. Byt' tak! Spasibo i za to. Vladimir Sollogub i ego memuary // Sollogub V. A. Vospominaniya. M. : Slovo, 1998. S. 5–16.

Nikolina N. A. Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy : ucheb. posobie. M. : Flinta, 2002. 424 s.

Romanova G. I. Avtobiograficheskie zhanry // Literaturnaya ucheba. M. : Izdatel'skiy dom «Literaturnaya ucheba». 2003. № 6. S. 195–199.

Sollogub V. A. A. A. Kraevskomu. URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_0250.shtml (data obrashcheniya: 15.09.2019).

Sollogub V. A. Vospominaniya. M. ; L. : Academia, 1931. 652 s.

Sollogub V. A. Vospominaniya. M. : Slovo, 1998. 384 s.

Sollogub V. A. Cherez kray. Posmertnyy roman grafa V. A. Solloguba // Nov'. Obshchedostupnyy illyustrirovannyi dvukhnedel'nyy vestnik sovremennoy zhizni, literatury, nauki, iskusstva i prikladnykh znaniy, 1885. T. 2. № 7-8. T. 3. № 9–12.

Tolstoy L. N. Ispoved' (vstuplenie k nenapechatannomu sochineniyu) // Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. : v 90 t. M. : GIKhL, 1928-1958. T. 23. 1957. S. 1–59.

Fenomen tvorcheskoy neudachi / pod red. A. V. Podchinenova i T. A. Snigirevoy. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 486 s.

Chekalov P. K. Osmyslenie zhanra khudozhestvennoy avtobiografii v nauchnoy literature // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. Maykop : FGBOU VPO «Adygeyskiy gosudarstvennyy universitet». 2012. № 1. S. 119–122.

Chistova I. S. Belletristika i memuary Vladimira Solloguba // Sollogub V. A. Povesti. Vospominaniya. L. : Khudozh. lit., 1988. S. 3–20.

Shchennikov G. K. Dostoevskiy i russkiy realizm. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1987. 352 s.

Yakushin N. I. Pisatel' s zamechatel'nym darovaniem // Sollogub V. A. Povesti i rasskazy. M. : Sov. Rossiya, 1988. S. 3–20.